

П.А. Новиков

Сибирские стрелки в Первой мировой войне

Более 100 лет отделяют нас от событий Первой мировой войны. Этот масштабный конфликт занимает ключевое место в мировой и российской истории XX в. Однако изучение Первой мировой войны еще далеко от завершения как благодаря введению в научных оборот новых источников, так и за счет переоценки прежних схем и положений.

В данной статье дается краткий обзор воинских соединений и частей, отправленных на фронт из Сибири, а также приводятся и анализируются наиболее информативные свидетельства о сибирских стрелках. Причем приоритет отдан наблюдениям отдельных очевидцев, дающим весьма яркую и рельефную картину, рассмотрены данные о потерях как сибирских частей, так и русской армии в целом.

К 1914 г. в Приамурском военном округе (Дальний Восток) дислоцировались 1, 4 и 5-й в Иркутском (Восточная Сибирь) – 2 и 3-й Сибирские армейские корпуса в Омском (Западная Сибирь) – 11-я Сибирская стрелковая дивизия. В военное время в Иркутском округе дополнительно должен был развернуться 6-й Сибирский корпус из 12-й и 13-й Сибирских второочередных дивизий, в Омске – 14-я Сибирская дивизия. Полки этих трех дивизий формировались на базе скрытых кадров 7, 8 и 11-й Сибирских дивизий. Каждый полк первой очереди выделял второочередному 19 офицеров, одного военного чиновника и 262 солдата. При мобилизации Россия в дополнение к 70 полевым пехотным дивизиям и 18 стрелковым бригадам развертывала еще 35 резервных дивизий (53–84-е пехотные и три Сибирские).

С 1910–1911 гг. в состав армейских корпусов входили все войска, расположенные в корпусных районах. Ранее инженерные войска, мортирная и тяжелая артиллерия в состав корпусов не входили, а лишь придавались им для совместных упражнений. Теперь же артиллерийские бригады были подчинены начальникам пехотных или стрелковых дивизий, а для комплектования личным составом каждый корпус получил ближайшие к гарнизонам районы. Однако выполнить последнее правило в Иркутском военном округе было почти невозможно, так как при потребности в нижних чинах запаса мобилизации в 150 тыс. чел. в районе округа в 1913 г. имелось только 41 тыс. чел. Этого было недостаточно для укомплектования даже первоочередных частей, всего же не хватало до 23% личного состава. «Огромные расстояния и плохие пути сообщения (Иркутского) округа, замедляющие прибытие запасных на сборные пункты, препятствуют

назначению определенных территориальных районов для войсковых единиц. Введено в принцип посылать первые укомплектования, ранее прибывшие на сборные пункты, в войска 2-го Сибирского армейского корпуса: ближайших уездов к Чите – в 4-ю Сибирскую дивизию, более западных – в 5-ю Сибирскую» [1, л. 71]. Недостающие Иркутскому военному округу люди направлялись из Омского (70159 чел.) и Казанского (40669 чел.) округов [2, с. 122].

Для ускорения прибытия в Польшу 1-го и 2-го Сибирских корпусов из Забайкалья и Приморья предназначенные для их окончательной мобилизации запасные 10-ти уездов Вятской и Пермской губерний были поданы при перевозке соединений на запад. Заблаговременно в уезды были высланы офицеры обоих корпусов [3, с. 98]. Кроме того, до войны корпуса уже содержались в усиленном составе. В большинстве же полевых войск после мобилизации в ротах было 25–30% кадровых (действительной службы) солдат, остальные были призваны из запаса.

В целом в 1914 г. русская кадровая армия проявила себя с лучшей стороны. «Многие войсковые части дали блестящие образцы доблести, стойкости в бою и неутомимости. Но наряду с такими частями, обнаружилось и другие, от которых можно было бы требовать проявления большей сопротивляемости и напряжения. Разница не только войск 1-й и 2-й очереди. В рамках одной категории боевой удельный вес различался. Причины пестроты различны: условия жизни, обучения и комплектования воинских частей новобранцами и запасными, индивидуальные качества начальства, традиции частей и округов, известная самостоятельность командующих войсками округов в руководстве обучением» [4, с. 190]. Учитывая относительную (в сравнении с солдатами) однородность генеральского и офицерского состава императорской армии, отметим, что за военные неудачи не всегда ответственно только высшее командование. Это, однако, не значит, что «высочайшей доблести русских войск и их не имеющей равной тягучести» не приходилось много раз кровью искупать недостатки собственного руководства.

Во время Первой мировой войны из Сибири на фронт было отправлено 6 Сибирских армейских корпусов или 14 Сибирских стрелковых дивизий, 9 Забайкальских, 8 Сибирских, 2 Амурских, Уссурийский казачий полк, Приморский драгунский полк. Штаб и управления 6-го Сибирского корпуса были сформированы по приказу Верховного Главнокомандующего №36 от 2 сентября 1914 г. По окончании фор-

мирования в Иркутске штаб и управления корпуса выступили на театр военных действий в г. Седлец. На 11 октября в 6-й Сибирский корпус входили 13-я (развернута в Красноярске) и 14-я (в Омске) Сибирские дивизии, позднее 13-я будет заменена на 3-ю Сибирскую (до войны дислоцировалась во Владивостоке).

Еще один корпус (7-й Сибирский) и 9 дивизий с 15-й по 22-ю Сибирские, а также Сводная Сибирская были сформированы уже в действующей армии, на фронте. Корпус образован летом 1915 г., а дивизии – в конце 1916 г. – начале 1917 г. При этом по две дивизии сформированы при 3-м и 7-м Сибирских корпусах, по одной при остальных: 1, 2, 4, 5, 6-м.

При перевозке мобилизованных порой возникали проблемы. Подпоручик П. Шапошников, комендант станции Зима в июле 1914 г., вспоминал: «Из вагонов неслись песни, звуки гармони и крики подвыпивших “чалдонов”, будущих лихих Сибирских стрелков, крепких, как таежные кедр, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках 1914–1915 гг. Расстояния длинные в Сибири. По 5–6 дней езды в душном вагоне нервировало людей, надоедало. Поэтому кое-где были опасные взрывы, почти бунты. Против кого? Да, против всех и никого! Чтобы поразмяться. Была и агитация против «начальства». Ведь Сибирь в то время была полна политических ссыльных. Как-то получаю телеграмму от коменданта станции Красноярск об эшелоне из Омска: “Эшелон буйный, грабит казенки, на станции (название забыл!) им убит комендант станции штабс-капитан Иванов”» [5, с. 6]. При 20-минутной остановке в Зиме «пассажиры» сумели словесно образумить, а до 10 чел., успевших в селе Зима ограбить водочную «казенку», задержать. Впоследствии, в 1916 г. «Инструкция начальника поезда по передвижению эшелона на Театр военных действий» была переработана – ему предоставлены права командира батальона, а солдат для предотвращения массовых побегов полагалось размещать в вагонах повзводно, а не так, как это было ранее, по уездам.

Сибирские стрелки стали последним крупным резервом первоочередных частей Российской империи, брошенным на чашу весов начального периода войны. Насколько стратегически грамотно был задействован этот резерв – это вопрос к русскому Верховному командованию, вопрос острый. Однако все сибирские части подтвердили блестящую репутацию, заслуженную в русско-японскую войну. Сначала они сражались на северо-западном направлении, затем на всем протяжении Восточного фронта от Балтики до Румынии, а часть забайкальских казаков – и в Азиатской Турции и Западной Персии.

Сибирские стрелки особенно отличились в боях за Варшаву, Лодзь в Августовских лесах. А.В. Туркул писал: «Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я пом-

ню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норовит бабахать почаше, себя подбодряя, а куда бабахает и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко... Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают многие военные писатели» [6, с. 10].

Бои за Варшаву в конце сентября 1914 г. отражены и в художественной прозе:

Из-за Уральских гор, из лесных дебрей Забайкалья, с верховьев Амура, – еще дальше, из глубины Азии с рубежа Маньчжурских степей, от самых крайних пределов России, раскинувшейся на две страны света, – каждый день отходили красные поезда, бесконечно-длинные, медленные, как пульсация крови в жилах организма... Покинув свои поезда, сибирские стрелки выстраиваются для похода и столица, которую нужно спасти, принимает их в свое недра. Неведомый город, прекрасный, изнеженный, почти веселый, будто он не успел еще поверить в кровавый ужас, надвинувшийся на него так неожиданно. Стрелки идут мерным шагом вперед, к своей цели. Поступь их тверда, лица спокойны и непроницаемы. Бесконечным потоком серых шинелей, папах и штыков разрезают они живую стену толпы, запрудившей площади и улицы, и тихо колышатся впереди, точно хоругви перед крестным ходом их знамена, в дыму и крови освященные на Маньчжурских равнинах... Новый взрыв громового «ура», и авиаторы видят сверху серую пелену сибирских папах, клином врезавшуюся в густые ряды германцев... Молча и сосредоточенно гонят они перед собой обезумевшего врага, упорство которого сломлено сразу и бесповоротно, занимая одну за другой его траншеи, усеивая свой путь грудями вражеских трупов, сами не зная, где кончится их преследование. Битва выиграна, германцы отступили от Варшавы... И в широких волнах той же песни по-прежнему звучит сила, самая грозная из всех – сила побеждающей воли человека» [7, с. 14–16].

Исследователь А. Смирнов подчеркивает, что «Первая мировая война еще раз показала, что боевые качества войск зависят не только от уровня их выучки, но и от особенностей тех или иных групп населения, а также от армейских традиций части. Так, среди солдат русской пехоты явственно выделялись сибиряки. В 1914 – начале 1915 г. солдаты-сибиряки еще были сконцентрированы в Сибирских стрелковых дивизиях, но в дальнейшем и в них, и в других соединениях служили уроженцы, как Сибири, так и остальной «Росси» [8, с. 23]. Например, в 17-м Сибирском полку среди 119 убитых с 3 по 24 ноября 1914 г. до половины – уроженцы Иркутской губернии, остальные – Енисейской губернии и Забайкальской области; в 18-м Сибирском полку среди 116 убитых с 27 сентября по 17 ноября 1914 г. половина уроженцы Енисейской губернии, остальные Черниговской, Полтавской, Люблинской и

других [9, л. 1; 10, л. 1]. В потерях 47-го Сибирского полка в октябре 1914 г. – январе 1915 г. преобладали уроженцы Томской губернии.

В феврале 1915 г. среди убитых солдат 45-го Сибирского полка уроженцы уже практически всех губерний России, у 16-го Сибирского полка сибиряков не более 10%. В потерях 32-го Сибирского полка на озере Нарочь 8-16 марта 1916 г. половину составляли уроженцы Тобольской и Томской губерний, среди оставшихся – Вятской, Акмолинской и др. [11, л. 84; 12, л. 68; 13, л. 62]. В 48-м Сибирском полку среди убитых 3–9 июля 1916 г. уроженцев Оренбургской губернии – 5 чел., Уфимской – 4, Казанской – 1, Пермской, Тобольской – 1. В 17-м Сибирском полку среди 3 убитых и 7 раненных в январе 1917 г. уже ни одного сибиряка...

Приведем несколько примеров доблести сибирских стрелков. В германской армии каждый батальон имел свое знамя. За Первую мировую войну русским трофеем стало единственное германское знамя – 1-го батальона 34-го фузилерного королевского Виктории Шведского полка. Этот батальон был пленен 3-м Сибирским стрелковым полком под началом генерал-майора В.А. Доброжанского 13 февраля 1915 г. под Праснышем [14, с. 38]. Знамя, сорванное с древка, было брошено в колодец, в котором оно и было найдено (полотнище, навершие и ленты). Фузилеры входили в 6-ю германскую резервную бригаду, совершенно разбитую сибиряками.

Еще три германских знамени захватывали русские войска, но сразу были отбиты немцами в рукопашном бою. Это знамена 128-го и 141-го германских полков, взятые в Гумбиненском сражении соответственно 107-м Троицким и 108-м Саратовским русскими полками. Временным русским трофеем было и знамя 2-го батальона 2-го резервного гвардейского пехотного полка. Под ударами сибиряков 9 октября 1914 г. у Бакаларжева 2-й батальон 18-го ландверного полка сжег свое знамя, а в феврале 1916 г. в Августовских лесах 1-й батальон 17-го германского пехотного полка потерял знамя. Его обнаружили много дней спустя под трупами убитых и вернули в полк.

12 февраля 1915 г. в районе того же Прасныша «отряд, собранный из команд конных разведчиков 2-й Сибирской дивизии, под командой капитана 5-го Сибирского полка Толстова у д. Эмова атаковал австрийскую пехоту с артиллерией. Взяты пленные и 4-х орудийная батарея» [15, с. 43]. Капитан Толстов с разведчиками в конном строю не раз опрокидывал и вражескую кавалерию.

Западнее Варшавы у Воли Шидловской 1 июня 1915 г. 14-я Сибирская дивизия первой из русских соединений подверглась газобаллонной атаке немцев. Пострадало 5983 чел., из них 891 умер от отравления хлором [16, с. 174]. Несмотря на потери, были отбиты более 10 атак.

Под Праснышем 11–12 февраля 1915 г. 1-й Сибирский корпус, захватив 10 тыс. пленных, установил рекорд для операций Антанты. Он же в марте 1916 г. неудачно наступал у озера Нарочь, потеряв до половины состава убитыми и ранеными. В Брусиловском прорыве участвовал 5-й Сибирский корпус, переброшенный с Северного фронта. Последние примеры боевой славы сибирских стрелков: удар на Митаву в конце 1916 г. и летнее наступление 1917 г. всех фронтов, проваленное из-за революционного развала. Однако разложение русской армии в 1917 г. быстро покончило с некогда крепкими боевыми традициями соединений. Последовало братание и фактическое перемирие с врагом.

В пункты довоенного квартирования Сибирские корпуса уже не вернулись. Вот примеры завершения их боевого пути: 2-й Сибирский корпус был расформирован в Ярославле в конце марта 1918 г. [17, л. 18; 18, л. 284]. 3-й Сибирский корпус встретил немецкое наступление 18 февраля 1918 г. в составе 2-й армии Западного фронта, и ему в отличие от Гренадерского и 9-го армейского корпусов удалось избежать немецкого плена. Прибыв в Смоленск, штаб 3-го Сибирского корпуса расформировался, распустил личный состав, сдав вывезенные им дела отчетность.

4-й Сибирский корпус встретил демобилизацию в 6-й, самой южной, армии Румынского фронта. После упорных боев с отрядами Центральной Рады и румынскими войсками из всей 6-й армии только части 4-го Сибирского и 47-го армейского корпусов прорвались к Одессе и Тирасполю. Здесь они соединились с 1-й революционной армией и участвовали в боях против румын.

6-й Сибирский корпус был демобилизован в марте 1918 г. в Камышловке Пермской губернии. 7-й Сибирский корпус встретил перемирие в 7-й армии Юго-Западного фронта. 12 декабря 1917 г. комитет 47-го Сибирского полка, а 15 декабря и комитет 51-го Сибирского, отправили в Центральную Украинскую раду свои резолюции: «Рада на требование русских революционных войск о замене их украинцами на территории Украины, ввиду украинизации Юго-Западного и Румынского фронтов, ответила арестом военно-революционных комитетов, разоружением русских революционных частей, шедших против контрреволюционных попыток Каледина и К^о» [19, с. 468, 579]. Полковой комитет 47-го Сибирского полка заявил, что «полк с позиций снимается и требует беспрепятственного пропуска через Украину со всем имуществом и оружием, что свое требование в случае препятствий полк поддержит всеми имеющимися у него средствами – включительно до оружия». Дивизии 7-го Сибирского корпуса были расформированы в марте 1918 г. Демобилизация 7-й армии завершилась в апреле в городах Центрально-Черноземного района.

Немцы надолго запомнили сибирских стрелков. Так, немецкий генерал Второй мировой войны Г. Блюментрит писал: «Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали это на себе во время первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с Сибирским армейским корпусом» [20, с. 72]. В русском переводе, вероятно, допущена неточность, не корпус, а корпуса. Тот же Блюментрит вспоминал: «В 1914–1918 гг. как лейтенант, я первые два года сражался против русских после первого боя с французами и бельгийцами в Намюре в августе 1914 г. В наших самых первых атаках на Русском фронте мы быстро осознали, что встретили совершенно других солдат, чем французы и бельгийцы. Более суровых воинов с крепким боевым духом и решительностью. Мы терпели значительные неудачи. В те дни это была Русская Императорская армия. Суровые, но в общем добродушные, они имели привычку предавать огню в военных целях города и деревни в Восточной Пруссии, когда их силы отходили... когда я называю основную массу Русской армии добродушной, я говорю об их европейских войсках. Значительно тверже были Азиатские войска, Сибирские корпуса в их жестоком поведении» [21].

Блюментриту вторит Э. Людендорф, в 1914 г. – начальник штаба германского Восточного фронта: «Сибирские корпуса были особенно сильны и доставили нам много хлопот» [22, с. 79]. Весьма образны и русские свидетельства. Например, в автобиографичном художественном произведении маршал Р.Я. Малиновский приводит свои впечатления как рядового 1914 г. в боях под Сувалками: «Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила» [23, с. 100]. Другой очевидец: «Когда российский какой полк стоит, германцы выставляют 2 часовых, а как только разведали, что подошел сибирский, то 20 часовых выставляют».

Когда-то в русской армии при каждом полку формировался свой запасной батальон, для чего из войск выделялось небольшое число офицеров и солдат. С 1911 г. число запасных батальонов было уменьшено, они стали считаться общеармейским достоянием. Укомплектования посылались из разных тыловых батальонов в различные фронтовые части [24, с. 211]. Генерал Н.Н. Головин указывал: «Раненые, как правило, не возвращались в свои части... Дух части понижала взаимная «чуждость» начальников и подчиненных. В.А. Сухомлинов (военный министр 1909–1915 гг.) и его сотрудники понимали идеи укомплектования очень узко, если можно так выразиться, материалистично, только в смысле ускорения мобилизации [25, с. 26].

Другими словами, недооценивалась духовная составляющая территориальной системы комплектования.

Для пояснения обратимся к рассказу подполковника 6-го Сибирского полка Л.В. Сейфулина «Сибирские стрелки». В нем телефонист ефрейтор Ширкин отлежал в лазарете в Петрограде 6 месяцев и так рассказывал о том, что произошло дальше:

Как выписались мы из лазарета, так нас значит сбили в кучу человек с тыщу, а может и больше, и погнали нас в манеж на разбивку, куды кого значит... Ну и видим мы, что нас, сибиряков, гонют в росейские полки, в пехоту, кого куда... Мы, было, начальство, чтобы, значит, в свою часть. Невозможно говорят, некогда вас, по фронту катать, да ваши полки разыскивать, поэтому даже и неизвестно, где они, ваши полки-то... Замолчали мы, обидно это нам, но ничего не поделаешь, потому начальство. Друг от дружки не отбиваться, да нас, вот с нашей дивизии человек сорок было... Построили это нас, подравняли... Стоим это мы ждем... А начальство бегае, суетиться и все друг дружку ремешки поправляет. Генерал объявил: «Гляди, гляди молодцами, ребята, вас провожать опять на позиции будет сам Государь Император». Ну, думаю себе я, теперь наше дело выгорит. Глядь, идет Царь по фронту. Мы это «ура» кричим, а за ним начальства этого страсть. Стал обходить фронт. Расспрашивает которых, как и что... Я стою, грудь вперед выпятил, аж дышать тяжело... Вот и ко мне подходит Царь.

– Здорово, кавалер!

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество.

– Совсем здоров? – спрашивает. – Хорошо ли лечили?

– Покорнейше благодарим Ваше Императорское Величество, всем много довольны, только...

– Что? – Быстро это так спросил.

– Обида маленькая выходит...

– Какая обида? Кто тебя обидел?

– Позвольте доложить, Ваше Императорское Величество, так что, никак нет, никто не обидел, только обратно в свою часть не пушают... я, как есть, сибирский стрелок, потому в Сибирском стрелковом полку мы, так мне служить в Росейской пехоте никак невозможно... У нас своя часть есть.

– Какая же эта часть? – спрашивает Царь, а сам смеется.

– 1-й Сибирский корпус, Ваше Императорское Величество... Нас тут с одной дивизии человек 40 есть.

– Хорошо, – говорит, – обижать вас не буду... А где крест получил?

– Папьяницы, за Аршав городом, Ваше Императорское Величество.

– Спасибо за службу, – говорит.

– Рады стараться, Ваше Императорское Величество.

Обернулся это Царь к начальству, да и говорит:

– Отправить этих орлов по своим гнездам... Потом, как уехал Царь, подлетывает ко мне молодой генерал и спрашивает:

– Как это ты осмелился?

– Виноват, – говорю, – Ваше Превосходительство, но как мы есть сибирские стрелки, нам в Росейской пехоте никак невозможно. Потому с полку нас уволили в лазарет, а не то, чтобы в Росейскую пехоту.

– Да сам то ты кто? – спрашивает.
– Ефрейтор 9-й роты 8-го Сибирского стрелкового полка, Иван Ширкин, Ваше превосходительство, – говорю.

– Русский?

– Так точно, Ваше превосходительство, русский, только Сибирского стрелкового полка, – обратно докладываю ему, потому боюсь, что он меня на словах метко пымает и опять в Россейскую пехоту загонит. «А ну тебя», – говорит, и даже рукой махнул. Ну, думаю себе, махай не махай, а быть мне дома в своей роте. Так и вышло: дали нам вагон, причепили к кульерскому поезду на Аршаву, пулей поперли, так что на 5 сутки я уже к ротному явился» [26, с. 14–15].

Таким образом, доля уроженцев Сибири в рядах сибирских армейских корпусов и Сибирских стрелковых дивизий была наибольшей осенью 1914 г., сразу после мобилизации. Какой-либо системы в последующих пополнениях не отмечается. Призывники из сибирских губерний пополняли обычные пехотные части, и, наоборот, уроженцы Европейской России становились бойцами сибирских стрелковых полков. Не выявлено какого-либо соответствия ни между запасными бригадами и губерниями призыва личного состава, ни между запасными полками и частями действующей армии. Как следствие, если в конце 1914 г. сибирские части были отмечены как наиболее стойкие, то в конце 1916 г. именно в них происходят первые антивоенные выступления.

По опыту 1914–1915 гг. на Сибирские корпуса возлагают самые ответственные задачи, но, пополненные новым личным составом, они начинают разочаровывать командование. Так было 2 июля 1915 г. с 12 и 13-й Сибирскими дивизиями, образовавшими новый 7-й Сибирский корпус. «Боевая слава, заработанная ими на полях Галиции и в Карпатских горах», позволила командующему 5-й русской армией генералу П.А. Плеве считать стрелков надежным прикрытием города Митава. «Но слава этих дивизий была заработана теми, кто остался на полях сражений, а здесь из испытанных бойцов было не более 7–8%» [27, с. 30]. В дальнейшем снижение боеспособности продолжилось. Особенно напряженная ситуация была на Северном фронте. В середине декабря 1916 г. его командующий генерал Н.В. Рузский говорил: «Рига и Двинск – два распропагандированных гнезда». Командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов сообщал: «7-й Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказывались идти в атаку, были случаи возмущения».

При описании войн и сражений очень важны сведения о людских потерях. Относительно сибирских стрелков есть две группы данных.

Во-первых, это записи о потерях в журналах военных действий 3-го Сибирского корпуса [28]. Журналы заполнялись с 27 августа 1914 г. по 31 августа 1917 г., причем регулярные записи о суточных потерях появи-

лись только после 14 апреля 1915 г. По этим неполным данным потери корпуса составили: 7043 нижних чина убито, 25191 нижний чин ранен и контужен, 10209 нижних чинов пропало без вести, 309 контужено, один перебежал к немцам, 2 обморожено, 7 отравлено газом, 42 дезертировали. Учитывая еще и записи выбывших без разделения на убитых, раненых и пропавших в 14765 чел., получим общие потери 3-го Сибирского армейского корпуса в 57559 чел. При этом необходимо пояснить, что по штатам 1914–1915 гг. русский корпус насчитывал 886 офицеров, 120 врачей, 121 классного чиновника, 40099 строевых и 6960 нестроевых нижних чинов. В 1916–1917 гг. численность выросла до 1248 офицеров, 147 врачей, 195 чиновников, 52015 строевых и 16062 нестроевых солдат.

Во-вторых, были проанализированы именные списки потерь нижних чинов 13, 14, 15-го, 16, 17, 18, 20, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52-го Сибирских стрелковых полков. Списков потерь 19, 25, 26-го Сибирских полков в Российском государственном военно-историческом архиве нет.

Итого, есть сведения разной степени полноты по 21 полку, из них наиболее полные по хронологии относятся к 4 полкам: 17-й Сибирский полк: 1439 убито, 6610 ранено, 349 контужено и 5172 пропали без вести, итого, 13570 нижних чинов [29, л. 1–291; 30, л. 1–254]. 50-й Сибирский полк: 935 убито, 7894 ранено, 358 контужено, 1380 пропали без вести и 5475 остались на поле сражения, итого, 16042 чел. [31, л. 1–294; 32, л. 1–301]. 51-й Сибирский: 907 убито, 6999 ранено, 797 контужено, 581 пропали без вести, 5551 остались на поле сражения, итого, 14835 бойцов [33, л. 1–311; 34, л. 1–286; 35, л. 1–307]. 52-й Сибирский: 1272 убито, 6673 ранено, 276 контужено, 4920 пропали без вести, 2575 остались на поле сражения, итого, 15716 чел. [28, 36, л. 1–308; 37, л. 1–266]. Таким образом, по документальным данным каждый из этих полков потерял от 14 тыс. до 16 тыс. чел., при штате 4245 нижних чинов. Из них до 1500 убито, а 7500 пропали без вести. Соотношение 1 к 5. Таким образом, общая убыль составила 4 полных состава, и к середине 1917 г. на фронтовых позициях стоял уже 5-й состав. Эти данные мало отличаются от утверждения А.А. Керсновского, что «шесть составов переменяла вообще вся пехота. Но добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшиеся на Юго-Западном фронте, переменяли за войну состав 10 раз и более» [38, с. 248].

Очевидно, полковые списки потерь и служили основой для сообщения родным о судьбе солдат. С похоронными извещениями сельские старосты под расписку знакомили родителей погибших и возвращали их в волостное правление. Эти документы сохраняются в соответствующих фондах региональных архивов.

Сопоставим полученные по Сибирским полкам результаты со сведениями в целом по России. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, в Первой мировой войне

русская армия потеряла 1200 тыс. убитыми, 240 тыс. умершими от ран, 11 тыс. — от газов, 155 тыс. умершими от болезней, 10 тыс. умершими в плену и 15 тыс. — от несчастных случаев. Итого, 1811 тыс. чел. [39, с. 381]. При этом Б.Ц. Урланис особо упоминает недоучет убитых в картотеке Главного управления Генерального штата, насчитывавшей 626440 убитых [40, с. 31]. Другими словами, значительная часть пропавших без вести в действительности была убита, а не попала в плен. Учитывая то, что русская армия насчитывала примерно 500 действующих полков первой и второй очереди, то 1500 убитых на полк и дают схожую с картотекой (626 тыс.) цифру (750 тыс. чел.). Считать ее полной нельзя, потому что при соотношении убитых и пропавших без вести 1 к 5 оказавшихся в плену должно быть 3 млн 750 тыс. чел. По германским и австро-венгерским данным численность русских военнопленных составляла всего 2415 тыс. чел.

Следовательно, на одного убитого по именным спискам полков приходится еще один убитый, записанный как пропавший без вести. Поэтому нельзя согласиться с А.А. Керсновским, что только «примерно третья часть — сохранили свои имена», а остальные — неизвестные солдаты. Их имена и фамилии указаны среди пропавших без вести, места погребений же действительно никому неизвестны.

Известный военный теоретик генерал Н.Н. Головин в 1931 и 1939 гг. определил потери русской армии в Первой мировой войне в 1300 тыс. убитых и 350 тыс. умерших от ран [41, с. 137]. Это практически совпадает с оценками Урланиса и данными выборочных исследований сельского населения Украины и Дона, давшими соответственно 1,33 и 1,21% убитых и пропавших без вести в Первой мировой войне от опрошенного населения [42, с. 58]. Таким образом, безвозвратные потери русской армии в 1914–1918 гг. составили от 1650 до 1811 тыс. чел.

Библиографический список

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2000. — Оп. 3. — Д. 1121.
2. Ращупкин, Ю.М. Иркутский военный округ во 2-й пол. XIX — начале XX вв: формирование, специфика и деятельность / Ю.М. Ращупкин. — Иркутск, 2003.
3. Добrorольский, С. О мобилизации русской армии в 1914 г. / С. Добrorольский // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. — Белград, 1921. — Кн. I.
4. Данилов, Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. / Ю.Н. Данилов. — Берлин, 1924.
5. Шапошников, П. На станции Зима / П. Шапошников // Военная быль. — №68. — Париж, 1968.
6. Туркул, А.В. Дроздовцы в огне. 2-е изд. / А.В. Туркул. — Мюнхен, 1948.
7. Сейфулин, Л. Сибирские стрелки / Л. Сейфулин // Военная быль. — №13. — Париж, 1955.
8. Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте / А. Смирнов // Родина. — 2004. — №9.
9. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 766.
10. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 768.
11. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 803.
12. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 765.
13. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 783.
14. Андоленко, А. Неприятельские знамена, взятые русской армии в войну 1914–1917 гг. / А. Андоленко // Военная быль. — №77. — Париж, 1966.
15. Рубец, И.Ф. Конные атаки Российской императорской кавалерии / И.Ф. Рубец // Военная быль. — №76. — Париж, 1966.
16. Шишов, А.В. Голгофа Российской империи / А.В. Шишов. — М., 2005.
17. РГВИА. — Ф. 2279. — Оп. 1. — Д. 237.
18. РГВИА. — Ф. 2279. — Оп. 1. — Д. 591.
19. Войсковые комитеты действующей армии (март 1917 — март 1918): сб. док. — М., 1982.
20. Блюментрит, Г. Московская битва / Г. Блюментрит; Вестфаль, В. Роковые решения / В. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др.; пер. с англ.; под ред. П.А. Жилина. — М., 1958.
21. <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/GERblumentritt.htm>
22. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. — Москва; Минск, 2005.
23. Малиновский, Р.Я. Солдаты России / Р.Я. Малиновский. — М., 1978.
24. Драгомиров, В. Подготовка русской армии к великой войне / В. Драгомиров // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. — Белград, 1924. — Кн. 5.
25. Головин, Н. Мысли об устройстве будущей Русской вооруженной силы / Н. Головин. — Париж, 1925.
26. Сейфулин, Л.В. Сибирские стрелки / Л. Сейфулин // Военная быль. — №34. — Париж, 1959.
27. Корольков, Г. Сражение под Шавли / Г. Корольков. — М.; Л., 1926.
28. РГВИА. — Ф. 2280. — Оп. 1. — Д. 336–362.
29. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 766.
30. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 767.
31. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 812.
32. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 813.
33. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 815.
34. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 816.
35. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 817.
36. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 818.
37. РГВИА. — Ф. 16196. — Оп. 1. — Д. 819.
38. Керсновский, А.А. История русской армии / А.А. Керсновский. — М., 1994. — Т. 4.
39. Урланис, Б.Ц. История военных потерь / Б.Ц. Урланис. — СПб., 1994.
40. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). — М., 1925.
41. Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н. Головин. — М., 2001.
42. Бернштам, М. Стороны в Гражданской войне 1917–1922 гг. / М. Бернштам. — М., 1992.